АНАТОЛИЙ ГОДИЛО

•

ВДОХНОВЕНИЕ

Геннадий отложил на верстак коленчатый вал, который только что засверлил, и поспешно взялся за обкусанный карандаш. На осьмушку бумаги, подпирая друг дружку рифмой, легко укладывались строки:

Близкие, знакомые черты,
Взгляд то пристальный,
то добрый очень,
Ленин, и сегодня с нами ты,
Шествуешь в одном строю
рабочем...

И тут карандаш споткнулся, словно перегруженный станок. Геннадий почувствовал, что вторая строфа, которая по дороге на завод казалась ему совсем готовой, расплывалась в многословье. Боясь расплескать чудесный настрой души, с каким он сегодня работал, Геннадий покусывал карандаш.

«Дорогой Ильич, сердце о тебе думами полнится, — сказал ли вслух, или обратился к нему мысленно. — Не обессудь за корявое слово...»

«Стихи — это здорово! — услышал словно наяву такой знакомый голос. — С ними в революцию шли, атом расщепляли, в космос летают. Только не всякое слово к месту. Слово надо найти!..»

Невидимый собеседник лукаво погрозил пальцем. А может быть, молодому слесарю это только показалось? Но четыре дорогих строки были реальностью, как этот коленчатый вал, как сверло на станке. Вот они, заготовки будущего стиха, свидетели бессонья!

Геннадий сжал губы:

— Я найду слова... Найду...

И не в силах стоять так, без дела, он поднял пудовый вал и легко уложил его на балансир. На этом приспособлении (два отполированных и установленных по уровню бруска) слесарь, как на точнейших весах, определял неуравновешенность коленчатого вала. Пока вал кувыркался подобно цирковому эксцентрику, Геннадий «поймал» ускользнувшие было строки:

Шествуешь плечо к плечу,
как равный,
Засучив спецовки рукава...

Вал в последний раз взмахнул противовесом и — замер. Слесарь подхватил его и, прижимая к груди, понес к станку. Станок, вращая сверло, снимал лишние граммы металла на валу. Пока тонкая стружка-змейка скользила по спирали сверла, мысль человека просеивала слова и образы. Строчки то наплывали, то ускользали. Вал, снова установленный на балансире, теперь не кувыркался, а ритмично покачивался: вверх — вниз, вверх — вниз. Этот ритм и подсказал нужные слова.

Десять строк вобрали все, чем он томился, к чему рвался сердцем. А ведь сколько дней и ночей строка за строкой расползались и, казалось, не было сил собрать их воедино.

Ему еще хочется поведать суровым поэтическим языком о блокадном Ленинграде, где на втором году жизни он потерял родителей, о людях завода, назвавших его, Геннадия Кудряшова, своим сыном, о друге-пограничнике, и о многом, многом другом. Хватит ли только у него сил?..

Геннадий поднял глаза к часам и удивился. До гудка еще остается много времени, а норма выполнена! И на верстаке рядом с готовыми валами лежал листок бумаги со столбиками стихов об Ильиче.